

4. Копистянська Н., Приплюцька М. Питання часо-просторової термінології.// Іноземна філологія. Український науковий збірник. Львів: Видавничий центр Львівського національного університету ім. Івана Франка. – 2003. –Вип. 114. – С. 264 – 280.

5. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716.

6. Іноземна Філологія. Український науковий збірник. Львів: Видавничий центр Львівського національного університету ім. Івана Франка. – 2003. –Вип. 114. – 309 с.

7. Beauman Sally. Destiny. – Great Britain: Bantam Press, a division of Transworld Publishers Ltd, 1988. – 960 p.

УДК 80

Трафименкова Т.А.
(Брянск, Россия)

СИМВОЛИЗАЦИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ

Стаття присвячена питанню сприйняття національно-культурних особливостей відображення рослини у російській поетичній картині світу. Розглядаються реалії рослинного світу, відповідаючої у контексті російської культури у якості символів, художніх образів. Наведені факти підтверджують об'ємним ілюстративним матеріалом, відображаючим із поетичних текстів.

Ключові слова: *символ, поезія, російська культура, рослинний світ.*

Статья посвящена вопросу отражения национально-культурных особенностей восприятия растений в русской поэтической картине мира. Рассматриваются реалии растительного мира, выступающие в контексте русской культуры в качестве символов, художественных образов. Все приводимые доводы подтверждаются обширным иллюстративным материалом, отобранным из поэтических текстов.

Ключевые слова: *символ, поэзия, русская культура, растительный мир.*

The article is devoted to the reflection of the national and cultural peculiarities of the perception of plants in Russian poetical picture of the world. The species of flora are considered, presented in the context of Russian culture in the capacity of symbol and images. All the arguments, given in the article, are proved by illustrations selected from poetical texts.

Key words: *symbol, poetry, Russian culture, flora.*

Представления человека об окружающем его мире, в частности о природе, формируют глубинную основу системы его ценностей. Поэтому лексика растительного мира постоянно привлекала и продолжает привлекать внимание лингвистов. В настоящее время имеется ряд монографий, диссертационных исследований и статей, описывающих как

© Трафименкова Т.А., 2011

лексический класс растений в целом (З.У. Борисова, В.В. Копчева, Ю.А. Каминская и др.), так и анализирующих отдельные его тематические группы (Л.А. Баранова, М.В. Шеина, В.А. Меркулова и др.). Причем внимание уделяется самым различным аспектам: семантике, словообразованию, этимологии, функционированию в речи и т.д. На наш взгляд, актуальным является и вопрос рассмотрения символизации растительного мира в русском поэтическом восприятии, а также представление номинаций растений в контексте русской культуры и отражение их национального осмысления в словесно-художественной картине мира.

Несомненно, что для правильного понимания объектов природы в русской художественной литературе необходимы определенные знания, полученные от восприятия окружающей действительности. По словам Н.Ш. Ягумовой, эти знания человек воспринимал веками, его представления зависели от развития зрительных ощущений и живого созерцания, посредством которых он получал большую часть информации о мире. [1:6]. Так как у каждого народа существуют свои представления об окружающей действительности, специфические черты мировосприятия и мышления, то справедливо утверждение В.Г. Белинского: «Тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его манере понимать вещи» [2:80]. Эти слова вполне можно отнести и растительному миру.

Растения и человек тесно взаимодействуют друг с другом уже не одно тысячелетие. По мнению Н.Д. Арутюновой, «концептуальная система, отображённая в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним» [3: 123]. В процессе своей практической деятельности люди познавали особенности деревьев, трав, цветов, давали им названия, открывали их лечебные свойства, а затем передавали накопленные знания из поколения в поколение.

Поэтому вполне естественно, что растения с давних пор имеют определенную культурную и историческую значимость, так как они неразрывно связаны с народными представлениями о различных явлениях действительности. Именно этим обусловлен тот факт, что фитонимы (названия растений) довольно часто упоминаются и в фольклоре, и в художественной литературе (поэзии и прозе). Причем они не просто называют или указывают на реалии растительного мира, а выступают в качестве символов, художественных образов, которые более информативны, чем пространственные словесные описания, так как культурно освоенные смыслы – это не только прямые связи слова с референтом, но и невидимые нити ассоциаций, основанные на общей культурной памяти.

Как отмечает В.Б. Колосова, язык необходимо рассматривать «сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» [4:3]. А так как растительный мир, окружающий человека, находит свое языковое воплощение, закрепленное в определенных лексических единицах, известных всем носителям языка, то, следовательно, данное высказывание справедливо и в отношении лексико-семантической группы номинаций растений.

В данной статье мы остановимся на некоторых образах растений, в поэтическом воплощении которых нашли отражение национальные черты русской культуры, так как из поколения в поколение передается не только содержательное значение слова, но и связанный с ним коллективный символ.

Анализ лексики растительного мира показывает, что состав ее в русской поэзии значительно уже, чем в лексической системе языка в целом. Он ограничивается кругом лексем, которые обозначают реалии русской природы, традиционно избираемые в качестве объектов поэтического изображения. Именно растения (деревья, травы, цветы) дают возможность русским писателям и поэтам выразить чувства и переживания героев, создать яркие поэтические образы.

Среди таких лексем-символов можно выделить следующие: береза, ива, черемуха, клен, осина, рябина, ромашка и т.д. Эти слова выражают национальную художественную оценку предмета или явления и за счет символичности значения обладают высоким образно-творческим потенциалом.

Так, самым почитаемым деревом на Руси издавна считалась береза. Еще в одной из челобитных 1636 года записано: «В самый четверток по пасце (семик) собираются жены и девицы под дерева, под березы и приносят яко жертвы: пироги и каши и яичницы и, поклоняясь березам, учнут песни пети...»: «Радуйтесь, березы, / Радуйтесь, зеленые, / К вам девушки идут, / К вам красные, / К вам пироги несут, / Лепешки, яичницы.» [5(3:56)].

Береза – неотъемлемая часть русской природы, самое любимое дерево в русской поэзии. По свидетельству М. Эпштейна, она упоминается в 84 стихотворных произведениях (из 3700 рассмотренных). Далее, в порядке убывающей частоты, следуют: сосна - 51, дуб - 48, ива - 42, ель и рябина - по 40, тополь - 36, клен и липа - по 30 [6:28].

Береза в русской языковой картине мира имеет свою смысловую нагрузку и выполняет определенную функцию, употребляясь в речи носителей языка, литературе, фольклоре. Писатели в своих стихотворениях многократно обращаются к образу березы, которая стала поэтическим символом России. Ведь это дерево занимает ни с чем не сравнимое место в жизни русского человека. «Под березами пели, женили, / Выбирали коней на торгах, / Дорогих матерей хоронили, / Так, чтоб были березы в ногах, - пишет О.Н. Шестинский).

В поэзии говорится о любви народа к этому дереву, что выражается в сравнении березы с положительными персонажами русских сказок, которые являются отражением русского национального духа: «Но всех милей мне девушка – береза, / Пришедшая из сказок и былин, / Снегурочка, любимица мороза, / Аленушка пригорков и равнин» (Р. Рождественский).

Кроме того, в поэтическом представлении березы воплощение русских национальных черт представлено в ее сравнении с девушкой, так как стройный белый ствол березы, тонкая белая кора, густая крона соответствует национальным представлениям русского человека о красоте. Традиционно русская девушка не мыслится без длинной русской косы и национальной одежды – красивого расшитого сарафана. Эти элементы русской культуры отражаются и в поэзии: «Я навек за сиянье и росы / Полюбил у березки стан, / И ее золотистые косы, / И холщовый ее сарафан...»; «Зелёная причёска, / Девическая грудь, / О тонкая берёзка, / Что загляделась в пруд? / Что шепчет тебе ветер? / О чём звенит песок? / Иль хочешь в косы-ветви / Ты лунный гребешок?» (С. Есенин).

Несмотря на большую популярность березы среди русского народа, надо отметить, что поэтический культ берёзы начинается лишь со второй половины XIX столетия - от А.Фета и Н.Огарёва - и достигает своей кульминации в поэзии С. Есенина.

Поэты же первой половины XIX века, например А.С. Пушкин, чаще обращались к дубу, который славяне называли Перуново дерево (в славянской мифологии Перун – бог

молнии). Считалось, что дуб, в который ударила молния, получал целебные, живительные свойства.

Образ дуба в русской культуре глубоко символичен. Благодаря твердости своей древесины он считался символом прочности, бессмертия и неистощимости жизни. Русские поэты поселяют его кладбище, приюте смертных, как символ бессмертия души и природы: «...*Стоит широко дуб над важными гробами, / Колеблясь и шумя...*» (А. Пушкин «Когда за городом, задумчив, я брожу...»), «*Надо мной чтоб, вечно зеленея, / Тёмный дуб склонялся и шумел*» (М. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу...»), «...*Красуются, шумят — и нет им дела, / Чей прах, чью память роют корни их*» (Ф. Тютчев «От жизни той, что бушевала здесь...»).

Символическое значение у лексемы возникает на метафорической основе и объясняется, прежде всего, теми ассоциациями, которые данное дерево выв в представлении человека. Дуб – это русский богатырь, воплощение могущественности и даже некоторой царственности. Поэтому и в поэзии дуб представлен в соответствующих образах: он и умудренный жизнью старец («Маститые, ветвистые дубы, / Задумчиво поникнув головами, / Что старцы древние на вече пред толпами, / Стоят, как бы решая их судьбы» А. Майков), и боярин («А дуб в кафтане рваном / стоит на смерть готов, / Как перед Иоанном/ Боярин Колычев» А. Тарковский), и князь («О дуб, великий князь дубрав, / Бушуешь ты, огромный, темный» Л. Мартынов), и даже патриарх, царь («Гляжу ль на дуб уединенный, / Я мысло: патриарх лесов/ Переживает свой век забвенный, / Как пережил он век отцов» А. Пушкин).

Так как дуб всегда воплощал в себе представление о большой духовной силе русского народа, именно это дает возможность Н. Гумилеву сопоставить его с пророком Моисеем: «Есть Моисей посреди дубов...».

С не меньшим почтением и любовью, чем к дубу, относились древние славяне к липе, без которой невозможно представить себе русский пейзаж. Она считалась деревом божии любви и красоты Лады. Это дерево не только обожествляли, но и считали, что оно приносит счастье, поэтому липу было принято сажать возле храмов и домов. Под липами наши предки праздновали победы, отмечали праздники. Вероятно, это было связано с тем, что липа создает вокруг себя ауру любви, миролюбия и благотворно влияет на психику человека, ее образ липы связан с гудение пчел, зноом, медовым запахом. Одним из первых среди русских поэтов воспел липу Г.Р. Державин: «Липовая роща, как жар, возблистала / Вокруг липы листом» («Лето»).

В русской культуре липа - дерево воспоминаний. Как отмечает М.Н. Эпштейн, с ней связано прошлое России, память о классическом девятнадцатом столетии, о дворянской культуре. Данный факт находит отражение и в поэзии: «Ты помнишь ли, Мария, / Один старинный дом / И липы вековые / Над дремлющим прудом?» (А.К.Толстой. «Ты помнишь ли, Мария...»), «Все как в добром старинном романе. // Дом в колоннах, и свет из окна. // Липы черные в синем тумане. // Элегическая тишина» (В.Соколов).

Липа вошла в русскую культуру как символ Летнего сада и Царскосельского села. Эти образы находят свое поэтическое воплощение в творчестве А.А. Ахматовой. Летний сад запомнился ей, прежде всего, прогулками «в душистой тиши между царственных лип». Осознавая себя законной наследницей петербургского классицизма и всей русской классики от Державина до Блока, она пишет: «О, кто бы мне тогда сказал, / Что я насле-

дую все это: / Фелицу, лебедя, мосты, / И все китайские затеи, / Дворца сквозные галереи / И липы дивной красоты» («Наследница») [6:154].

Кроме того, у славян существовало поверье, что в липу никогда не попадает молния, и человек может переждать под деревом грозу. Данный факт нашел отражение в лирике А.Ахматовой. У нее война ассоциируется с грозой, выстрелы пушек – с громом, а липы как ни в чем не бывало зеленеют в «сверканье пик и штыков»: «И серые пушки гремели / На Троицком гулком мосту, / А липы еще зеленели / В таинственном Летнем саду» («Голос памяти»).

Распространенным деревом средней полосы России является рябина. Она для русского человека тесно связана с образом Родины, родного края, родного дома: «Иные нужны мне картины: / Люблю песчаный косогор, / Перед избушкой две рябины, / Калитка, сломанный забор» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»). В стихотворении П.А. Вяземского лирический герой, возвратившись на родную землю, любитесь красотой дерева и называет рябину «русским виноградом»: «Тобой, красивая рябина, / Тобой, наш русский виноград, / Меня потешила чужбина, / И я землячке милой рад» («Рябина»)

В фольклорной традиции рябина, как и береза, олицетворяет женские образы. Но в то же время у каждого дерева есть свои своеобразные черты. Если береза воплощает застенчивость, простоту, неяркость русской природы, то рябина – ее огневое начало.

Красные ягоды рябины в русской культуре ассоциируются с кровью, страданием, женским одиночеством. Это находит отражение и в поэтических текстах: «И целует на рябиновом кусту / Язвы красные незримому Христу» («Осень» С.Есенин); «Свежим утром рано-рано / Бросил взор я на рябину: - / О, запекшая рана!» (М. Кузмин), «За окном рябина, / Словно мать без сына, / Тянет рук сучье» (Н. Клюев). Горький же вкус плодов дерева сравнивается с тяжелой женской долей. Так, например, говоря о рябине в творчестве М. Цветаевой, А.И. Павловский пишет: «Пылающая и горькая, на излете осени, в преддверии зимы – она стала символом судьбы, тоже переходной и горькой, пылающей творчеством и уходящей в зиму забвения» [7: 87].

Шесть коротких цветаевских строк о рябине стали символом трагической судьбы русской женщины, на долю которой выпали две мировые войны, гражданская война, революции, коллективизация, репрессии: «Рябину / Рубили зорькою. / Рябина – / Судьбина / Горькая».

У русского народа существует поверье, что рябина должна засохнуть сама. Если человек срубит рябину, то он будет обречен на несчастья.

Элементы национальной культуры в поэтических текстах воплощаются не только в деревьях, но и в образах травянистых растений.

Например, ромашка, как и береза, символизирует Россию. Белые лепестки цветка с ярко-желтыми серединками напоминают красивых девушек в русских национальных костюмах.

В народе бытует предание, согласно которому ромашка похожа на чудесный, все видящий глаз. Это находит отражение и в поэтической речи, например, в стихотворении М Дудина, посвященного этому полевому цветку: «Ромашка, излучая свет, / На солнышко похожая, / Бежит везде за нами вслед, / Своя, а не прихожая. / До поздней осени на нас / Бросает взгляды смелые / Ее веселый желтый глаз / Через ресницы белые».

В цветке ромашки бывает разное количество лепестков: то четное, то нечетное. Это свойство лежит в основе старого русского обычая – гадать на ромашке – гадать о любви,

выдергивая один за другим цветки лепестка и повторяя при этом: «Любит? – Не любит?» Данный народный обычай представлен в стихотворении Я Полонского: «... А она в открытом поле / Сорвала себе цветок / И лепечет, обрывая / Каждый белый лепесток: / «Любит – нет – не любит - любит» / И, оборванный кругом, / «Да», - сказал цветок ей томным, / Сердцу внятным языком».

«Любит – не любит» - это только одна из ассоциаций, которые вызывает ромашка. Среди других реакций на эту номинацию можно встретить следующие: цветок, девочка, клевер, поле, расцвести [8 (2:736)]. Это связано с тем, что ромашки расцветают в июне и цветут почти все лето. Из них русские девушки плетут венки и собирают красивые букеты.

Если ромашка для русского человека – это светлое, жизнеутверждающее начало, то с тростником связан мотив смерти. Древние славяне верили в переселение души, поэтому появилось поверье, что душа невинно убитого человека воплощается в тростнике и, если сделать из него дудочку, она расскажет об убийстве. Это народное поверье отражено в стихотворении М.Ю.Лермонтова «Тростник», где превращенное рыбаком растение голосом человека вещает об убийстве: «И будто оживленный, / Тростник заговорил - / То голос человека / И голос ветра был».

Тростник как символ правды выбрала А. Ахматова для названия одной из своих книг. Почти все стихотворения, входящие в нее, связаны с воспоминаниями о чувствах, друзьях. Память о прошлом заставляет человека осознать могущество времени. Поэтесса предчувствует, что война не обойдет стороной ее Родину, поэтому в стихотворении, как бы вторя ей, «... над задумчивой Летой / Тростник оживший зазвучал» («Надпись на книге»), предсказывая трагичность грядущих событий.

В русской культуре «сорная луговая, обычно придорожная, трава с мелкими цветками, собранными в колос» [9:540] – подорожник – тоже имеет символическое значение. С этим растением ассоциируется дорога, странствие. А так как с дорогой неразрывно связана жизнь острожников, это дает возможность русскому поэту Н. Рубцову употребить в своем стихотворении яркое сравнение, говорящее само за себя: «Приуныли нынче подорожники, / Потому что, плача и смеясь, / Все прошли бродяги и острожники». Символичность образа подчёркивается олицетворением, тем самым образ растительного мира как будто принимает на себя страдание человека: «Устало в пыли / Я влачусь, как острожник, / Темнеет вдали, / Приуныл подорожник».

Но подорожник – это и символ нетленных сил земли, трава-лекарь. Издавна на Руси подорожник прикладывали к кровотокающей ране. Вероятно, поэтому одну из своих книг А. Ахматова назвала «Подорожник». Этот заголовок имеет глубокий символический смысл: поэту хотелось всеми доступными средствами остановить течение крови из ран, душевных и телесных, нанесенных временем ее поколению.

Таким образом, в контексте русской культуры отдельные растения выступают как символы, художественные образы. Эта символичность основывается на традициях, обычаях, формируется как ценность и опирается на взаимосвязи освоенных в течение многих столетий всех культурных и символизированных элементов.

Анализ стихотворных текстов различных авторов позволяет сделать вывод, что национальная специфика семантики номинаций растений находит отражение в поэтической картине мира, где лексика природы наделяется также глубоким символическим

значением, основанным на ассоциациях и позволяющим без лишних слов передать не выраженные, но присутствующие в языке смыслы, возникающие в процессе культурно-исторического развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ягумова Н.Ш. Фитонимические пространства в языковой картине мира: словообразовательный и мотивационный аспекты (на материале английского и адыгейского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Ш. Ягумова. – Майкоп, 2008. – 24 с.
2. Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. – М.: Худож. лит., 1974. – 191 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и время // Язык и мир человека. Языки русской культуры. – М., 1999. – С. 687-736.
4. Колосова В.Б. Лексика и символика народной ботаники восточных славян (на общеславянском фоне). Этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 18 с.
5. Рыбаков Б. А. ред. Очерки русской культуры XVIII века. – М.: Издательство МГУ, 1988. ч.3. – 293 с.
6. Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. - М.: Высшая школа, 1999 – 386 с.
7. Павловский А.И. Анна Ахматова Жизнь и творчество: Кн. для учителя М.: Просвещение, 1991. – 274 с.
8. Русский ассоциативный словарь. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др.. – М.: ИРЯ РАН, 1996. ч.2. – 324 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1999 – С. 540.